

Артур Хадди

Веридиан

18+

Артур Хадди

Веридиан

«Автор»

2026

Хадди А.

Веридиан / А. Хадди — «Автор», 2026

Веридиан не прощает слабости. Этот мрачный индустриальный левиафан Британской империи задыхается в вечном тумане, угольной копоти и коррупции. Пять семей — неприкасаемые промышленные магнаты, чье слово было законом. Но вечный мир, построенный на крови и деньгах, внезапно рушится. Влиятельные кланы вступают в безжалостную подковерную войну за абсолютный контроль над городом. Наследники великих династий начинают гибнуть один за другим в череде загадочных убийств. Распутать этот зловещий клубок лжи и взаимных обвинений предстоит сэру Артуру Ходжезу — циничному детективу с изломанной судьбой. Балансируя на опасной грани и борясь с пугающими призраками собственного прошлого, он начинает следствие, в котором нельзя верить ни единому слову. Спускаясь на грязное социальное дно и проникая в закрытые особняки аристократов, Ходжез осознает пугающую истину: за фасадом семейной междоусобицы зреет нечто куда более масштабное и жуткое.

© Хадди А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Игра теней	5
Пролог: Отражение пустоты	5
Глава 1: Пятёрка в тумане	8
Глава 2: Неделя первая — торговля в трауре	17
Глава 3: Неделя вторая — Бумажный пепел	28
Глав	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Артур Хадди Веридиан

Часть I: Игра теней

Пролог: Отражение пустоты

Веридиан не отпускал своих пленников. Даже тех, кто искренне считал себя победителями. Особенно их.

Была глубокая ночь. Или, возможно, самое раннее, мертвое утро — тот безликий час, когда газовые фонари уже устали бороться с темнотой, а солнце еще не нашло в себе сил пробиться сквозь вечный саван.

Туман в этом городе не рассеивался никогда. Он был не погодным явлением, а архитектурной деталью, такой же неотъемлемой, как готические шпили соборов или закопченные трубы фабрик. Но сегодня, спустя ровно месяц после того, как молоток судьбы поставил точку в Деле Пяти Семей, туман изменился.

Он стал густым, осязаемым. Похожим на скисшее молоко, в которое щедро плеснули чернил. Он не просто висел в воздухе — он давил. Заполнял легкие влажной ватой, глушил звуки, превращая жесткий цокот каблучков по мокрой брусчатке в глухое, тошнотворное эхо. Воздух был пропитан запахом Веридиана: старой, вьёвшейся в кирпич копотью, речной гнилью и дешевым табаком. Запах города, который пережил собственную смерть и теперь мучительно вспоминал, как нужно дышать.

Сэр Артур Ходжес стоял перед обшарпанной дверью парадного входа на Блэк-стрит. Он высоко поднял воротник тяжелого твидового пальто, защищаясь от сырости, проникающей прямо в кости.

Он достал ключи. Связка звякнула в абсолютной тишине неестественно громко, словно кто-то уронил горсть монет на крышку гроба. Пальцы детектива на долю секунды замерли у замочной скважины.

Месяц. Прошел ровно месяц.

Артур победил. Так трубили утренние газеты. Так говорили чиновники, пожимавшие ему руку. Так сказал главный констебль, возвращая ему золотой жетон. Но почему тогда он чувствовал себя не охотником, завалившим зверя, а добычей, которую просто загнали в угол и оставили жить ради забавы?

Замок, старый и надежный, шелкнул с тяжелым металлическим лязгом. Подъезд встретил его запахом многолетней пыли, отсыревшего лака и той особенной, затхлой атмосферой мест, где хранятся чужие тайны.

Артур начал подниматься по лестнице. Ступени скрипели. Скрип... Пауза... Скрип...

Он знал каждую половицу в этом доме. Но сегодня звук был чужим. Резким, высоким, почти визгливым. Словно старое дерево предупреждало: «Не иди туда. Там ничего нет. Или там есть то, чего быть не должно».

Третий этаж. Потускневшая латунная табличка: «Сэр Артур Ходжес. Частный детектив». Кто-то нацарапал гвоздем на дверном косяке грубые царапины. Уроборос? Или просто каракули уличного сумасшедшего? В Веридиане граница между этими понятиями давно стерлась.

Артур отпер дверь офиса и шагнул во мрак.

В кабинете царила спасительная темнота. Уличный газовый фонарь бросал сквозь щель в плотных бархатных шторах узкий, болезненно-желтый луч. Он рассекал комнату по диагонали,

выхватывая угол массивного дубового стола и спинку кожаного кресла. На полу лежали вытянутые, искаженные тени оконной решетки, напоминающие ребра левиафана, внутри которого поселился сыщик.

Артур не стал зажигать свет. Темнота была милосерднее Веридиана — она позволяла вещам оставаться недосказанными. Он сбросил мокрое пальто на вешалку и подошел к столу — своей крепости, где хаос мира превращался в логику отчетов.

Он протянул руку к хрустальному графину с виски, чтобы смыть привкус пепла, преследовавший его весь день. Но его пальцы замерли на полпути.

Прямо посередине стола, поверх нагромождения папок, в пятне желтого фонарного света лежал предмет, которого там быть не могло.

Конверт. Идеально белый. Прямоугольный. Он светился в полумраке, как бельмо на глазу.

Артур нахмурился. Дверь была заперта на два оборота. Секретный замок, установленный им лично. Третий этаж, гладкая стена — в окно не забраться.

Он медленно обошел стол. На плотной бумаге не было ни марки, ни штампа почты. Только надпись черными чернилами. Каллиграфический, острый почерк с резкими росчерками, напоминающими удары хлыста: *«Сэру Артуру Ходжезу»*.

И печать. Не красный сургуч. Темно-синий, почти черный воск, цвета океанской впадины. Оттиск был глубоким и четким. Змея, кусающая себя за хвост. Уроборос. Символ бесконечности. Конец есть начало.

В груди похолодело. Суд закончился. Приговоры зачитаны. Откуда взялся этот знак?

Артур взял со стола холодный нож для бумаг и подцепил клапан. Звук разрываемой бумаги показался оглушительным. Он вытряхнул содержимое на полированную столешницу.

Никакого письма. На стол выпали маленькие клочки бумаги. Разные шрифты. Жирные заголовки таблоидов, мелкий шрифт биржевых сводок. Кто-то кропотливо, с маниакальной точностью хирурга вырезал эти слова из десятков источников.

Артур начал читать. Слова складывались в фразу, от которой повеяло могильным холодом: *«Ты взял змею за хвост... Голова осталась цела... Добро пожаловать в игру, Артур!»*.

Детектив отшатнулся, упершись поясницей в край стола. Дыхание перехватило. Все фигуры были сняты с доски. Или он играл не на той доске?

— Бред, — прохрипел он чужим, надтреснутым голосом. Кожа на лице покрылась холодной испариной.

Он резко развернулся к буфету, плеснул виски в стакан, пролив часть на пол, и выпил залпом. Алкоголь обожгло горло, но тепла не принес.

Тишина в кабинете внезапно изменилась. Она перестала быть отсутствием звука. Она стала плотной, вибрирующей. Казалось, воздух сгустился в прозрачный гель. Артур спиной почувствовал чужой взгляд. Не из окна. Взгляд изнутри комнаты.

Он медленно повернул голову.

Слева, в простенке между книжными шкафами, висело старинное зеркало в потемневшей от времени золотой раме. Стекло было мутным, с патиной по краям. Артур сделал шаг к нему. Он просто хотел убедиться, что он, Артур Ходжес, победитель, всё еще существует.

Он подошел вплотную. Встал в пятно тусклого света. Поднял глаза.

Стакан выскользнул из его ослабевших пальцев. Стекло не разбилось. Стакан просто исчез в темноте у ног, беззвучно растворившись во мраке. Но Артур этого даже не заметил.

Он смотрел в зеркало. В стекле отражалась комната: дубовый стол, белый конверт в пятне света, корешки книг, вешалка с мокрым пальто. Всё было на месте. Каждая тень.

Кроме одной. Его там не было.

Стекло отражало абсолютную пустоту. Там, где должен был стоять мужчина в жилете, зияло пространство, сквозь которое была видна стена. Но эта пустота была живой. Воздух

внутри невидимого контура клубился густым, молочно-белым туманом. Туман вращался, пульсировал, словно дышал.

Артур сильно зажмурился и открыл глаза снова. Галлюцинация? Он поднял правую руку перед лицом — реальная кожа, вены, шрам. Он посмотрел в зеркало — там ничего не шелохнулось.

Космический холод сковал его тело. Страх небытия. Страх того, что Веридиан переварил его, оставив лишь оболочку, наполненную туманом.

И тут он услышал *это*. Звук возник не в комнате, а глубоко внутри его черепной коробки.
Тик...

Тяжелый, влажный звук, будто капля ртути упала на стальной поднос.

Тик... Тик-тик...

Ритм был ломаным. Аритмия механического сердца. Артур судорожно опустил руку в карман жилета и вытащил свой серебряный брегет. Нажал на кнопку. Крышка отскочила.

Стрелки стояли намертво. 11:59. Без одной минуты полночь. Он поднес часы к уху — механизм молчал. Но в голове тиканье нарастало, вытесняя логику и память.

И сквозь этот ритм пробился низкий, бархатный голос, лишенный человеческих интонаций:

«Ты думал, ты охотник, Артур?»

Детектив вцепился свободной рукой в край стола. Пол ушел из-под ног.

«Ты думал, что снял фигуры с доски? Но чтобы поймать змею... нужно самому стать хищником. Ты съел себя изнутри. Посмотри в зеркало».

Артур поднял взгляд. Туман в отражении закручивался в спираль.

«У теней нет отражения, детектив. И у них нет времени».

Голос стих. Осталось только методичное тиканье.

Внезапно гнев — холодный, яростный гнев человека, который отказывается быть жертвой, — прорвался сквозь липкий страх. Он выживал там, где умирали полки. Он не позволит стеклу свести себя с ума.

— Я здесь, — прорычал он в пустоту. — Я существую.

Он с силой захлопнул крышку часов. ЩЕЛК. Звук прозвучал как выстрел. На мгновение тиканье в голове оборвалось.

Артур сунул часы обратно в карман. Движения снова стали резкими, хищными. Он подошел к столу, взял сигару, чиркнул спичкой. Живое пламя серы разогнало морок. Он жадно затянулся и выдохнул струю дыма прямо в зеркало.

В стекле отразился сизый клуб дыма и висящая в пустоте сигара.

Артур криво усмехнулся. — Значит, игра продолжается, — сказал он невидимому отражению. — Голова осталась цела? Отлично. Значит, у меня есть работа.

Он повернулся спиной к зеркалу и шагнул в глубокую тень угла. Свет фонаря за окном мигнул и погас, погружая кабинет в абсолютную тьму. Во мраке остался виден только пульсирующий красный огонек сигары.

И звук из самой темноты. *Тик... Тик-тик...*

Время пошло. Но в какую сторону — знал только Веридиан.

Глава 1: Пятёрка в тумане

3 февраля 1902 года. 22:00.

Время в Веридиане никогда не шло по прямой. Оно закручивалось, как ядовитый дым из заводских труб, оседало жирной сажой на фасадах домов и намертво застревало в легких. Но в этот вечер, ровно в десять часов, время, казалось, остановилось совсем.

Город сделал глубокий, хриплый вдох — и замер в парализующем ожидании.

Туман, этот вечный, незримый и полновластный хозяин Веридиана, в эту ночь был особенно изобретателен. Он не просто висел в воздухе. Он жил. Он плотоядно полз по обледенелой брусчатке улиц, жадно цепляясь за чугунные спицы каретных колес, ледяными пальцами забирался под поднятые воротники редких, случайных прохожих. Он обволакивал чугунные решетки уличных газовых фонарей, безжалостно сжирая их свет и превращая пламя в тусклые, умирающие желтые пятна, похожие на глаза больных желтухой.

В такую погоду честные люди запирали двери на два тяжелых оборота и молились, а нечестные — доставали из сапог ножи. Но те, кто диктовал правила и честным, и нечестным, в такую погоду выходили из тени.

Особняк Хартвеллов возвышался на холме Короны — самом престижном, самом охраняемом и самом изолированном районе города. Это была не просто архитектура. Это была декларация абсолютного, непоколебимого превосходства. Массивная, подавляющая волю неоготика, темный, почти черный гранит, узкие окна-бойницы, сквозь которые на улицу сочился тяжелый, дорогой свет электрических ламп. В начале двадцатого века электричество было редкостью, чудом, доступным лишь тем, кто мог купить не только огромные генераторы, но и законы, по которым они работали.

У парадного подъезда, перед основанием широкой мраморной лестницы, которую каждое утро до ослепительного блеска отмывала армия бесправных слуг, одна за другой начали беззвучно останавливаться кареты.

Их было пять.

Все — абсолютно черные, цвета свежeproлитой нефти, поглощающие своей матовой поверхностью даже тот скудный свет, что с трудом пробивался сквозь туман. Все — принципиально без вывесок, без кричащих золотых вензелей, без всего того дешевого блеска, которым так любят кичиться нувориши. Все — с фамильными гербами, выгравированными на дверцах так тонко и изящно, что разглядеть их можно было, только подойдя вплотную. Но в Веридиане никто в здравом уме, находясь в трезвой памяти, не подходил вплотную к этим каретам.

Породистые фризские жеребцы нетерпеливо били тяжелыми копытами по камню, высекая искры, которые тут же со злобным шипением гасли в сырости. Кони нервно фыркали, выпуская из ноздрей густые, плотные облака пара в колючий морозный воздух. Этот горячий пар смешивался с уличным туманом, создавая жуткую иллюзию, будто сами экипажи сотканы из дыма и доставлены напрямиком из преисподней. Кучера на козлах, с ног до головы закутанные в многослойные шерстяные плащи, сидели неподвижно, как гранитные горгульи. Они не переговаривались. Они не курили. Они не спешили. Они четко знали свой график: их господа пробудут внутри ровно столько, сколько потребуется для перераспределения кровеносных потоков этого проклятого города.

Первой к ступеням плавно, без единого скрипа дорогих рессор, подкатила карета Крофтов.

Дверцу открыл лакей в ливрее, лицо которого не выражало ничего, кроме абсолютной, вымуштрованной покорности. На белый мрамор ступил лакированный штиблет. Затем из темноты салона появился сам Арчибальд Крофт.

Если бы у человеческого тщеславия было лицо, оно носило бы аккуратно подстриженную седую эспаньолку и тонко пахло бы терпким цейлонским чаем высшего сорта. Крофт был одет в безупречный смокинг из ткани, которую в просвещенной Европе могли позволить себе только монархи и пара безумных русских князей. Его личная империя охватывала половину земного шара — от изумрудных, залитых солнцем чайных плантаций Цейлона, где бесправные рабочие тысячами умирали от лихорадки за жалкий пенни в день, до изысканных шелковых мануфактур Лиона.

Он двигался по ступеням с грацией сытого, уверенного в себе хищника, который точно знает, что в радиусе тысячи миль нет никого крупнее него. Крофт медленно поднял руку в белой перчатке, чтобы поправить лацкан, и в тусклом свете газового фонаря ослепительно, как сверхновая, блеснула его запонка. Чистейшая платина и россыпь бриллиантов. Фигурка змеи, плотно, почти угрожающе обвивающей запястье. Змея, которая держит в своих смертоносных кольцах весь этот город. Без Крофтов Веридиан был бы просто грязным, вонючим рабочим поселком, пропахшим едким потом, дешевым элем и отчаянием. Арчибальд Крофт одевал этот город в роскошь, продавал ему сладкую иллюзию величия, заставляя людей верить, что один плоток правильного, благородного чая может смыть с них уличную грязь. С ним город сиял. По крайней мере, та его малая часть, что могла за это заплатить.

Вторым, почти бесшумно, словно скользя по льду, прибыл Джулиан Вейн.

Его карета снаружи казалась нарочито скромнее остальных — никаких излишеств, строгие, рубленые геометрические линии, матовая краска. Но те, кто знал правила игры, понимали: истинная, пугающая ценность всегда скрыта внутри. Обивка кареты была выполнена из тончайшей телячьей кожи, выделанной по специальному заказу на химических фабриках хозяина сегодняшнего вечера — Реджинальда Хартвелла.

Джулиан Вейн был человеком-цифрой. Сухим, высоким, прямым, как бухгалтерская линейка, с лицом, словно высеченным из крошащегося мела. Банк Вейнов был настоящим, невидимым, но неутомимым сердцем Веридиана. Это сердце качало по венам не кровь, а чистое золото и долговые расписки. Вейн лично финансировал каждый крупный проект, контролировал каждый вздох этого мегаполиса: от новых, уходящих в адские глубины земли шахт Блэкморв до исполинских стальных пароходов Дрейков. В деловых кругах шептались, что он был кредитором самого Бога, если бы Бог однажды решил взять ссуду на капитальный ремонт Рая.

Ступив на лестницу, Вейн едва заметно, на пару миллиметров, кивнул подошедшему конюху. Этот жест был выверен до микрона — достаточно вежливый, чтобы не прослыть базарным тираном, но достаточно холодный, чтобы напомнить о непреодолимой разнице в социальном статусе. Он брезгливо поправил на руках тонкие серые лайковые перчатки. Вейн никогда, ни при каких обстоятельствах не снимал перчаток на публике. Модные лондонские психиатры — если бы Вейн когда-нибудь позволил им заглянуть в свою идеально структурированную голову — назвали бы это тяжелой формой мизофобии, панической боязнью грязи. Но дело было вовсе не в микробах. Вейн ненавидел оставлять отпечатки. На финансовых документах, на людях, на истории Империи. Он предпочитал быть всемогущей силой, которая направляет руку с ножом, но не самой рукой. Он вошел в особняк быстро, ни разу не оглянувшись. Люди, которым все в этом мире должны, никогда не смотрят назад.

Третья карета остановилась с тяжелым, лязгающим, металлическим звуком, от которого заложило уши. Она была в полтора раза массивнее остальных, с усиленными стальными осями и пуленепробиваемыми стенками.

Из нее, тяжело опираясь на массивную трость с набалдашником в виде отполированного куска антрацита, вышел Гектор Блэкмор.

Широкоплечий, огромный, с бычьей, короткой шеей, он казался первобытным человеком, которого с огромным трудом запихнули в цивилизованные рамки двадцатого века. На нем был сшитый на заказ костюм от лучшего портного с лондонской Сэвил-роу, но дорогая ткань сидела на нем так, словно под ней скрывались не мышцы, а гранитные, неотесанные валуны. А внизу, резко контрастируя с изяществом шелковых лацканов, виднелись тяжелые рабочие сапоги. Дорогие, кожаные, но густо покрытые тончайшим слоем въевшейся, несмываемой серой пыли. Это была не обычная уличная грязь. Это была чистая угольная пыль.

Блэкмор был кротом-гигантом, на время вылезшим на свет. Уголь, круглосуточно добываемый тысячами людей в его глубоких шахтах, топил печи промышленных заводов, двигал по рельсам локомотивы, согревал роскошные дома аристократов и промерзшие лачуги простых рабочих. Его люди каждый божий день спускались во тьму, многие из них никогда не возвращались, заживо погребенные под завалами, но Веридиан продолжал жадно дышать дымом его огромных амбиций. Без Блэкморов город бы просто замерз за одну зиму, превратившись в огромный ледяной склеп. Гектор шумно, с присвистом втянул широким носом морозный воздух, с шумом сплюнул прямо на белоснежную мраморную ступеньку — плевок, который стоил ему бы репутации в любом другом светском обществе, но здесь был лишь констатацией его природной мощи — и тяжело, как танк, зашагал вверх к дверям.

Четвертый экипаж был подлинным произведением инженерного искусства.

Карета Моргана Дрейка была по кругу укреплена клепаными стальными листами и украшена потемневшими бронзовыми накладками в виде скрещенных морских якорей. Разветвленные железные дороги и трансокеанский торговый флот Дрейков были венами и артериями Веридиана, связывающими этот мрачный, изолированный, проклятый туманом кусок суши со всем остальным миром.

Морган Дрейк вышел из кареты пружинисто, мягко, как опытный моряк, привыкший всю жизнь ловить баланс на мокрой палубе во время девятибалльного шторма. У него было грубое, обветренное лицо и глаза цвета штормового моря — холодные, далекие, всегда смотрящие за линию горизонта. Его поезда доставляли на внутренние рынки дорогие, тончайшие ткани Крофтов, его корабли везли в другие страны тяжелый уголь Блэкморов, и всё это колоссальное предприятие строилось на бесконечные, безлимитные кредитные линии банка Вейнов. Они были идеальными симбиотами. Четыре всадника грядущего индустриального апокалипсиса. Дрейк не стал смотреть по сторонам. Он молча, коротко кивнул двум рослым часовым у дверей, чьи руки постоянно покоились на рукоятках скрытых под полами плащей револьверов, и направился внутрь. Стук его подбитых медью каблучков отдавался эхом, пугающе похожим на стук тяжелых колес по стыкам стальных рельс.

Четыре кареты. Четыре короля. Пятый ждал их внутри.

Огромный холл особняка Хартвеллов подавлял своими чудовищными масштабами, заставляя любого вошедшего чувствовать себя ничтожеством. Потолки уходили в головокружительную, темную высь, теряясь во мраке перекрещенных деревянных балок, вырезанных из редкого мореного дуба. На стенах висели многовековые гобелены, изображающие кровавые сцены охоты, где гончие собаки всегда побеждали, а олени всегда истекали кровью. Это был настоящий дом хищников.

Хозяин, Реджинальд Хартвелл, стоял в самом центре зала. На нем был безукоризненный, сшитый по фигуре смокинг, сидевший на нем как вторая кожа. В отличие от грубого Блэкмора, Хартвелл выглядел так, будто прямо родился в этой дорогой одежде. В правой руке, пальцы которой украшали тяжелые, старинные золотые перстни, он держал хрустальный бокал, ювелирная огранка которого преломляла свет, бросая на дубовые стены теплые, янтарные блики.

Он не сделал ни единого шага навстречу прибывшим гостям. В его собственном доме, на его личной территории, законы гравитации подчинялись только ему — остальные должны были неизбежно притягиваться к центру.

— Виски тысяча восемьсот семидесятого года, — произнес Реджинальд вместо дежурного приветствия. Его голос был мягким, обволакивающим, но с едва уловимой, звенящей металлической ноткой, как звук взводимого револьверного курка в тишине. Он посмотрел на маслянистую, янтарную жидкость на дне бокала, словно именно там скрывался ответ на все вопросы вселенной. — Мой отец, Сайлас, лично купил эту бочку в горах Шотландии, когда наш Веридиан еще был, по сути, грязной, провонявшей рыбой деревней с амбициями. Тридцать два года в дубе, джентльмены. Это время, которое можно буквально попробовать на вкус.

Это высокомерное заявление было важнее любого формального «добрый вечер». Хартвелл не просто хвастался алкоголем, он напоминал им о корнях. О том, что пока они только начинали строить свои империи из шелка, угля и стальных рельсов, его семья уже полноправно владела землей, на которой эти самые империи стояли. Хартвеллы были самыми старыми семьями этого города. Они безраздельно владели землей, недвижимостью, огромными скотобойнями и зловонными кожевенными фабриками. Они в буквальном смысле питались плотью этого города.

Крофт, Вейн, Блэкмор и Дрейк молча образовали полукруг. Никаких дружеских объятий. Никаких похлопываний по плечу. Дистанция между ними была математически выверена годами взаимного, параноидального недоверия и абсолютной, жизненной необходимости друг в друге.

Только убедившись, что все заняли свои места, Хартвелл сделал властный жест левой рукой, приглашая их обратить внимание на глубокую тень у массивной мраморной колонны.

Из полумрака неслышно шагнул человек. Высокий, неестественно, болезненно худой, словно вытянутый на инквизиторской дыбе. На нем был строгий, иссиня-черный фрак, сидевший настолько плотно и безупречно, что казался скорее траурным одеянием, чем светским костюмом. Его лицо было пугающе бледным, с острыми, хищными птичьими чертами, а глаза — темными, глубоко посаженными, ничего не отражающими колодцами, в которых невозможно было прочесть ни единой эмоции. В длинных, изящных паучьих пальцах левой руки он крепко держал блокнот в тисненном кожаном переплете, в правой — остро заточенный карандаш.

— Джентльмены, — начал Реджинальд, и на его губах заиграла легкая, почти снисходительная улыбка человека, знающего больше остальных. — Позвольте представить. Мистер Эдджернон Пайк.

Имя повисло в воздухе, как звук натянутой струны. Никто из четверых могущественных гостей не изменился в лице, ни один мускул не дрогнул, но температура в огромной комнате, казалось, мгновенно упала на пару градусов.

— Бессменный ведущий амфитеатра «Зеркала», — продолжил Хартвелл, с удовольствием смакуя каждое произнесенное слово. — Лучший, самый узнаваемый голос нашего города. Мистер Пайк любезно согласился помочь нам... организовать наше маленькое, местное шоу. Сделать так, чтобы город остался в полном, безоговорочном восторге.

Пайк учтиво, с достоинством поклонился. Движение было плавным, отработанным, театральным, но в нем не было ни капли лакейского подобострастия. Лицо его оставалось открытым, а улыбка — безупречно профессиональной, отработанной перед зеркалом многие тысячи раз.

— Для меня величайшая честь служить Веридиану, джентльмены, — произнес Пайк.

Его голос... Это было нечто феноменальное, не поддающееся логическому объяснению. Мягкий, обволакивающий баритон, проникающий прямо под кожу, резонирующий где-то глубоко в грудной клетке слушателя. Голос, которому хотелось безоговорочно верить. Голос, кото-

рый мог объявить о начале кровавой войны так, что люди с радостью, с песней на устах пошли бы на убой.

Вейн нервно поправил свои серые перчатки. Крофт подозрительно сузил глаза, профессионально оценивая идеальный покррой фрака Пайка. Блэкмор громко, презрительно хмыкнул — он органически не доверял людям, которые зарабатывают на жизнь болтовней со сцены, а не кровавыми мозолями. Дрейк остался ледяным и бесстрастным.

— Прошу за мной, — сказал Хартвелл, прерывая затянувшуюся паузу и поворачиваясь к тяжелым двустворчатым дверям в глубине холла.

Они молча прошли просторную анфиладу комнат и вступили в Зал Прогресса.

Если входной холл был декларацией их несметного богатства, то этот зал был истинным храмом их безграничной власти. Это было идеально круглое, спроектированное лучшими архитекторами помещение. Никаких острых углов, никаких слепых зон, где могли бы прятаться шпионы или убийцы. Панорамный потолок в форме правильного купола был подлинным шедевром итальянских мастеров. Но вместо привычных фресок с классическими библейскими сюжетами, купол украшала грандиозная, пугающая позолоченная мозаика.

Миллионы кусочков смальты тысячами граней отражали электрический свет, формируя изображение гигантского механизма. В центре композиции, намертво сплетенные вместе, словно стальные шестеренки гигантских часов, были выложены пять символов.

Ворон. Острый, безжалостный клюв, широко расправленные черные крылья, контролирующей высоту. Хартвелл. Змея. Свернувшаяся тугими кольцами, готовая к смертоносному броску. Крофт. Скорпион. Занесший ядовитое жало, непререкаемый повелитель песков. Вейн. Крот. Слепой, неумолимый, разрывающий недра земли. Блэкмор. Осьминог. Чьи длинные щупальца расходились к самым краям купола, крепко обхватывая весь мир. Дрейк.

Они были не просто красивыми геральдическими символами. Они были важнейшими шестеренками одного единого механизма, вращающего этот город. Вытащи одну — и часы с грохотом останутся. Веридиан немедленно рухнет в пучину хаоса.

Пятеро магнатов подошли к круглому столу из красного дерева, стоявшему точно по геометрическому центру, прямо под острием золотого купола.

Элджернон Пайк не последовал за ними к столу. Он бесшумно, как тень, отошел к стене и замер в полумраке одной из колонн. Он не вмешивался. Он не имел права голоса в этом святилище. Он был здесь лишь для того, чтобы фиксировать приказы и безусловно их исполнять.

Реджинальд Хартвелл подошёл к массивному столу из тёмного ореха, полированная поверхность которого, как зеркало, отражала золотой свет электрических ламп. На нём стоял тяжелый хрустальный декантер и пять таких же тяжёлых бокалов. Хозяин дома лично, без помощи прислуги, взялся за хрустальную пробку. В этом редком жесте было уважение, но и чёткое обозначение ролей: он наливает, они принимают.

Янтарная жидкость полилась в стекло. Звук был густым, маслянистым. Резкий запах выдержанного торфа, дубовой коры и старого дыма мгновенно вытеснил из комнаты аромат дорогих сигар и парфюма гостей.

— Джентльмены, — начал Реджинальд, передавая бокалы по кругу. — Мы здесь не для того, чтобы затевать старые споры. Мы здесь не для того, чтобы снова делить сферы влияния, пересматривать таможенные тарифы или вспоминать старые, детские обиды. Мы здесь для того, чтобы укрепить то, что построили.

Он поднял свой бокал. В его темных глазах отражались золотые блики мозаичного купола.

Никто из четверых гостей не поспешил чокнуться. Они ждали сути. В Веридиане никто не наливал виски тридцатилетней выдержки просто ради пустого тоста за здоровье.

Арчибалд Крофт первым нарушил напряжённую тишину. Он сделал крошечный, осторожный глоток, покатал обжигающий виски на языке, словно оценивая, не отравлен ли он хозяином, и опустил бокал. Бриллиантовая змея на его манжете сверкнула в полумраке.

— Амфитеатр «Зеркала» стремительно теряет свой блеск, Реджинальд, — произнёс Крофт. Его голос был таким же гладким, как шёлк, который миллионами ярдов производили его фабрики, но слова кололи, как раскалённые иглы. — Вы же сами прекрасно это видите. Отчёты о продаже билетов падают, выручка от театральных лотерей смехотворна... Толпа на трибунах требует нового. Им до зевоты надоели однотипные выступления, заезженные фокусы и предсказуемая театральщина. Они пресытились однообразием. И от этой скуки они становятся... беспокойными.

Слово «беспокойными» тяжёлым камнем повисло в воздухе. Для людей, владеющих городом, это короткое слово означало масштабные забастовки, разбитые вдребезги витрины банков, сожжённые дотла склады и, в конечном итоге, полномасштабную революцию. Амфитеатр «Зеркала» был их главным, надёжным громоотводом. Хлеб и зрелища, грамотно упакованные в слепящий электрический свет и масштабные иллюзии. Пока низы, открыв рты, с азартом спускали последние гроши на грандиозные, сверкающие постановки, верхи в кабинетах спокойно считали прибыль. Но если монотонное зрелище приедалось и дешёвые чудеса переставали работать, толпа просыпалась от транса. И тогда она всегда начинала смотреть по сторонам. И вверх.

Джулиан Вейн, не снимая своих серых перчаток, обхватил бокал. Тепло дорогого стекла не проникало сквозь тонкую лайку.

— Проблема совершенно не в недостатке жестокости на арене, — сухо, как по учебнику, констатировал банкир, его лицо оставалось бесстрастной гипсовой маской. — Проблема в монотонности. Зритель привык к одному почерку. Я предлагаю кардинально изменить подход к управлению.

Вейн обвёл взглядом присутствующих. В его голове, как в идеальном механизме, всегда крутились цифры, графики рисков и сложные таблицы вероятностей.

— Каждую новую неделю одна семья берёт на себя полную подготовку шоу, — произнёс он свой вердикт тоном, не терпящим возражений. — По очереди. Мы вливаем свежие идеи, каждый использует свои уникальные ресурсы. Крофты предоставят эстетику и богатые костюмы. Блэкморы — масштабные, пугающие декорации и механизмы. Дрейки — экзотических диких зверей или артистов из-за океана. Хартвеллы обеспечат общую техническую режиссуру. А мой банк полностью покроет возможные кассовые разрывы на старте. Таким образом, город будет каждую неделю видеть смену декораций. И, что гораздо более важно, город будет точно знать: мы едины.

Это был идеальный, математический расчёт. Общая, разделённая ответственность исключала малейшую возможность того, что кто-то один, самый амбициозный, заберет себе всю славу. И все колоссальные расходы делились поровну.

Гектор Блэкмор, угольный барон, чьи широченные плечи едва помещались в дорогой пиджак, громко хмыкнул. Звук напоминал обвал породы в глубоком, заброшенном штреке.

— Разумно, — прогудел он низким, вибрирующим басом. — Пусть эти чумазные работяги видят, что хозяева могут не только глотки друг другу грызть в подворотнях, но и делать общее дело. Я готов поставить стальные клетки и паровые лифты для арены. Пусть шоу будет громким и тяжёлым.

Морган Дрейк, стоявший всё это время чуть поодаль, молча кивнул. Его взгляд штормовых глаз скользнул по золотому куполу, на секунду задержавшись на символе осьминога.

— Согласен, — коротко, как капитан на мостике, бросил он. — Я привезу вам лучших, самых диких артистов с Востока.

Пятеро магнатов одновременно подняли хрустальные бокалы.

Виски тысяча восемьсот семидесятого года обжѐг горло, оставляя после себя долгое послевкусие золы и абсолютной власти.

Элджернон Пайк, стоявший в тени мраморной колонны, быстро, почти незаметно сделал несколько пометок в своём блокноте.

— Всё абсолютно ясно, джентльмены, — подал голос ведущий. Его обволакивающий, профессиональный баритон был лишен каких-либо эмоций, кроме служебной готовности служить победителям. — Я немедленно подготовлю пресс-релизы для всех утренних газет. Мы подадим это публике как абсолютно новую эру амфитеатра. Зрители будут биться в экстазе от интриги — чей именно вечер их ждет на этой неделе.

Хартвелл одобрительно кивнул Пайку, как кивают хорошо работающему, полезному инструменту, и указал на центр стола.

Там лежал лист плотной гербовой бумаги.

— Тогда соблюдаем формальности, джентльмены, — произнес он.

Они подошли ближе. Текст был предельно лаконичным, без привычной юридической витиеватости, которую они обычно использовали, чтобы запутать или обмануть конкурентов. В этой комнате, между ними, слова не имели никакого значения — значение имели только кровавые последствия их нарушения.

«Соглашение о совместном финансировании амфитеатра „Зеркала“ на период с 7 февраля по 7 марта 1902 г.».

Хартвелл первым взял перьевую ручку с золотым пером, обмакнул её в чернильницу из чёрного мрамора и поставил размашистую, властную подпись.

Затем ручка перешла к Крофту. Его подпись была изящной, вычурной, с множеством завитков.

Вейн расписался мелко, чётко, словно ставил повседневную печать на банковском чеке.

Блэкмор едва не сломал золотое перо, оставив на дорогой бумаге жирный, глубокий, агрессивный росчерк.

Дрейк завершил круг, поставив короткий, угловатый узор крест-накрест, похожий на туго переплетенные корабельные снасти.

Чернила ещё влажно блестели в свете электрических ламп, отражая золото купола, когда они уже начали торопливо натягивать перчатки и застѐгивать пиджаки. Сделка была заключена. Шестерѐнки гигантского механизма со скрежетом провернулись, сцепившись заново.

Напряжение, плотно висевшее в воздухе, немного спало, уступив место привычной светской фальши. Они пожали друг другу руки — крепко, коротко, без зрительного контакта. Начался обязательный обмен любезностями, в которых каждое произнесенное слово имело двойное, ядовитое дно.

— Ваш старший сын, Арчибальд, — произнёс Хартвелл, провожая гостей к дверям. — Видел его на прошлой неделе в закрытом клубе. Настоящий, бравый офицер. Выправка истинного джентльмена.

«Я знаю, что он проиграл в карты целое состояние и устроил дебош, который мне пришлось заминать», — отчетливо читалось между строк.

— Благодарю, Реджинальд, — фальшиво улыбнулся Крофт, поправляя бриллиантовую запонку. — А ваша новая литейная фабрика у реки — просто образец индустриальной эффективности. Густой дым от её труб отлично виден даже из моего загородного поместья.

«Твои фабрики нещадно отравляют воду, и однажды отчаявшиеся рабочие сожгут её дотла вместе с тобой».

Кареты уезжали в том же строгом порядке, в каком и прибыли. Сначала гладкая, чёрная, как смоль, тень Крофтов, затем строгий экипаж Вейна, тяжѐлая карета Блэкмора и, наконец, ландо Дрейка, лязгающая корабельными цепями. Копыта лошадей отбивали мерный ритм по брусчатке, удаляясь всё дальше от холма Короны.

Особняк Хартвеллов снова погрузился в глухую тишину. Город спал. Всё было так, как надо. Всё было под контролем.

В переулке за углом от парадного въезда в особняк, там, куда совершенно не доставал свет газовых фонарей, контроль заканчивался и начиналась территория теней.

Сэр Артур Ходжес стоял, плотно прислонившись спиной к влажной, покрытой скользким мхом кирпичной стене. Туман вокруг него был настолько плотным, что казался физической преградой. Пальто Артура давно промокло насквозь, тяжёлая шерсть неприятно тянула к земле, но он не замечал холода. Его мозг работал с холодной, безостановочной, машинной точностью.

Он наблюдал.

Последняя карета скрылась в сером мареве, оставив после себя лишь резкий запах конского пота и раздавленной грязи.

Артур достал из внутреннего кармана пальто небольшой кожаный блокнот. Кожа обложки была затерта до блеска тысячами прикосновений. Он открыл его на чистой странице. Пальцы, привыкшие к рукояти револьвера, ловко извлекли огрызок карандаша.

Его глаза, глубоко посаженные, окруженные темными кругами хронической бессонницы, шурились в темноте. Он писал быстро, используя свою собственную, никому не известную систему сокращений, выработанную за годы слежек и ночных допросов. Текст ложился на бумагу ровными, сухими строчками:

«3 февраля. 22:15. Особняк Хартвеллов. Присутствовали: Хартвелл, Крофт, Вейн, Блэкмор, Дрейк. Поведение: дружелюбное (внешне), формальное. Наблюдение: впервые за 12 лет — совместное собрание лидеров всех пяти семей без участия посредников, адвокатов или секретарей. Примечание: слишком мирно. Слишком удобно.»

Он захлопнул блокнот. Звук ударившихся друг о друга кожаных створок показался в абсолютной тишине переулка оглушительным. Артур убрал его обратно во внутренний карман, поближе к сердцу и к кобуре с тяжелым револьвером «Уэбли».

Он оказался здесь почти случайно. Шёл домой после долгого, бессмысленного вечера в вонючем портовом пабе, где пытался вытрясти хоть какую-то информацию из пьяного матроса о контрабанде опиума. Маршрут пролегал через холм Короны — он любил ходить здесь ночью, чтобы постоянно напоминать себе, ради кого этот город работает на износ. Заметив бесшумный кортеж из пяти черных карет без опознавательных знаков, он инстинктивно ушел в тень.

Профессиональная паранойя, годами возвращенная на самом дне Веридиана, завывала в голове сиреной.

Пять семей не собирались вместе. Никогда. Они общались исключительно через армию клерков, перекидывались завуалированными угрозами через подкупленных журналистов, убивали друг друга руками уличных банд. Они были как пять ядовитых пауков в одной банке — пока каждый сидел в своем темном углу, сохранялся хрупкий баланс. Совместная встреча в особняке Хартвеллов означала только одно: пауки решили сплести одну общую, гигантскую паутину.

Или против них появился хищник крупнее.

Артур достал сигару. Он чиркнул длинной спичкой о шершавый кирпич стены. Огонёк вспыхнул, на секунду выхватив из мрака его лицо. Резкие, изрубленные временем морщины, сломанный когда-то в драке нос, упрямая линия челюсти. Взгляд человека, который заглядывал в бездну так часто, что бездна начала здороваться с ним на улицах.

Он глубоко затянулся. Дым наполнил лёгкие, принося кратковременную иллюзию тепла.

Артур поднял взгляд на темную громаду особняка Хартвеллов. Тёмный гранит сливался с ночным небом, только несколько окон на втором этаже светились тусклым, желтушным светом.

Внезапно в одном из окон, прямо за плотной портьерой, мелькнуло движение.

Тень.

Она была неясной, размытой туманом и толстым грязным стеклом. Высокий силуэт. Кто-то стоял у окна, слегка отодвинув край ткани, и смотрел прямо вниз. На улицу. В переулок.

Прямо на него.

Артур замер, забыв выдохнуть дым. Инстинкт выживания заставил его руку скользнуть под пальто, к револьверу, но холодный разум остановил движение. Расстояние было слишком велико. Да и стрелять вслепую по окну одного из самых влиятельных людей города — это верный способ оказаться на дне залива с тяжелыми кандалами на ногах к утру.

Он прищурился, отчаянно пытаясь разглядеть детали. Лицо? Одежду?

Но тень просто стояла. Неподвижная, черная, поглощающая свет. Словно провал в самой ткани реальности. А затем, так же внезапно, как и появилась, тень скользнула в сторону. Занавеска дрогнула и встала на место. Окно снова стало слепым.

Артур медленно выпустил струю сизого дыма. По спине пробежал могильный холодок, не имеющий ничего общего с февральским морозом.

Он оторвался от кирпичной стены. Бросил недокуренную сигару в грязную лужу. Окурочок зашипел и погас, оставив после себя лишь вонь мокрого табака.

— Слишком тихо, — прошептал Артур, обращаясь к серому ничто перед собой.

Он поднял воротник пальто повыше, надвинул шляпу на самые глаза и широким шагом шагнул прочь из переулочка. Его шаги — глухие, мерные — вплетались в шум капающей с крыш ледяной воды.

Туман послушно сомкнулся за его спиной, стирая следы, поглощая звуки, скрывая страшные тайны. Веридиан затаил дыхание, словно огромный, голодный зверь перед прыжком.

Пятерка сделала свой ход.

Артур зафиксировал его.

Глава 2: Неделя первая — торговля в трауре

Пятница, 7 февраля 1902 года. 19:00. Амфитеатр «Зеркала».

В Веридиане свет всегда стоил невероятно дорого, но в этот вечер Крофты платили за всё.

Газовые рожки по всему периметру колоссального, выстроенного в форме глубокого римского кратера амфитеатра горели в полную, слепящую силу. Их пламя, пропущенное через особые, заказанные в Богемии толстые стеклянные фильтры, заливало гигантскую арену пульсирующим, неестественным изумрудным сиянием. Этот свет отражался в тысяче граней высоких зеркал, вмонтированных в ярусы зрительских балконов, дробился, умножался и бил по глазам, создавая у зрителей головокружительную иллюзию бесконечного, зеленого лабиринта.

Зал гудел. Пять тысяч человек — от грязных, пропахших рыбой портовых грузчиков на дешевых стоячих местах под самым куполом до надменных владельцев мануфактур в бархатных, изолированных ложах — слились в единый, жадно дышащий организм. Воздух под куполом был густым, почти осязаемым от смешения запахов: французских цветочных парфюмов, дешёвого можжевелевого джина, въевшегося пота и того специфического, электрического напряжения, которое всегда витает там, где агрессивная толпа ждет зрелища.

Сегодня был день Крофтов. Первая неделя нового Соглашения. И Арчибалд Крофт решил напомнить городу, кто именно диктует моду и шьёт для него костюмы, в которых не стыдно показаться на похоронах или на королевском приеме. Это означало одно: абсолютная, бескомпромиссная, ослепительная роскошь.

На сцене, в самом эпицентре зеленого сияния, стоял Эджернон Пайк. Он выглядел безупречно, как и всегда. Идеально скроенный по фигуре фрак из матовой черной шерсти, белоснежная, жестко накрахмаленная манишка, уверенная, расслабленная осанка профессионального укротителя толп. В его руках, затянутых в белые перчатки, покоилась тяжелая медная трубка рупора, соединенная с хитроумной системой акустических конусов, спрятанных под деревянным настилом сцены — новейшая инженерия, закупленная специально для этого сезона.

Пайк не кричал. В этом не было ни малейшей нужды. Он просто поднес холодную медь к губам, и его глубокий, гипнотический, идеально поставленный баритон накрыл пятитысячную толпу тяжелым бархатным одеялом, мгновенно перекрыв хаотичный гул голосов.

— Леди и джентльмены! — Пайк театрально, с широкой улыбкой развёл руками, словно хотел лично обнять каждого зрителя в этом колоссальном зале.

В гигантских зеркалах за его спиной отразился весь амфитеатр. Тысячи бледных в изумрудном свете лиц. Тысячи пар глаз, прикованных к одной-единственной точке на арене. Пайк окинул взглядом затихшие трибуны, блестяще играя роль радушного, щедрого хозяина этого вечера.

— Прошедшая неделя была по-настоящему доброй к нашему великому Веридиану! — голос ведущего разносился над рядами, вибрируя уверенностью и силой. — Фабрики уважаемых Хартвеллов, бьющиеся как стальное сердце, увеличили выпуск новейших станков! Глубокие шахты лорда Блэкмора добыли рекордные, невиданные тонны угля, чтобы согреть ваши дома! Несокрушимый Банк Вейнов одобрил новые, щедрые кредиты для развития нашего общего будущего! А тяжелый стальной пароход славных Дрейков только что вернулся из далекого Шанхая, прорвавшись сквозь штормы, чтобы привезти нам чудеса Востока!

Толпа взорвалась овациями. Ритмичными. Громкими. Почти истеричными. Люди хлопали процветанию. Они хлопали стабильности. Пока работают черные фабрики и приходят

тяжелые корабли, Веридиан будет жить, а значит, в их карманах будет звенеть медь на хлеб и выпивку. Пайк был великолепным, непревзойденным оратором. Он с пугающей точностью знал, на какие именно рычаги человеческой гордости и страха нужно нажать, чтобы завести эту машину.

В центральной, самой дорогой ложе, нависающей прямо над ареной, сидела семья Крофтов.

Изабелла Крофт подалась вперед, опираясь тонкими руками о край обитого красным бархатом барьера. На ней было платье цвета ночного неба — глубокий, струящийся синий шёлк, густо усыпанный тысячами крошечных богемских кристаллов. При каждом её движении кристаллы вспыхивали, ловя изумрудный свет арены, превращая её в живое созвездие.

Ей было двадцать два, и сегодня она, казалось, искренне, по-детски наслаждалась грандиозным триумфом своей семьи. Она звонко рассмеялась, услышав очередной восторженный рев толпы, и счастливо, не жалея ладоней, захлопала. Затем она резко повернулась к матери, сидевшей чуть позади в глубоком кресле.

— Отец просто превзошёл самого себя! — её глаза сияли неподдельной гордостью. — Весь город у его ног. Это лучшее шоу за последние десять лет!

Леди Крофт, чье лицо было скрыто за густой вуалью усталости и светской скуки, лишь благосклонно кивнула, поправляя на плечах тяжелую кружевную шаль.

Но взгляд Изабеллы, случайно скользнув по пространству собственной ложи, внезапно остановился. Искренняя радость на её идеальном лице на долю секунды дрогнула и потускнела.

По правую руку от нее находилось кресло. Пустое. Нетронутое.

Ее старший брат, Фредерик, должен был быть здесь еще час назад. Он всегда сидел рядом на таких важных публичных мероприятиях, отпускал колкие шутки, язвительно комментировал нелепые наряды гостей из партера и галантно подливал ей лимонад. В своей парадной, с иголки сшитой красной офицерской форме, с золотыми эполетами, он всегда был центром притяжения взглядов всех незамужних дам Веридиана. Изабелла обожала брата — он был её надежным защитником, тем единственным живым человеком в строгом, пропитанном коммерцией мире Крофтов, с которым можно было позволить себе быть просто собой.

— Где же Фредди? — тихо спросила она, и в её голосе проскользнула нотка разочарования, смешанная с легкой, едва зарождающейся тревогой. — Он ведь клялся приехать к самому началу.

Леди Крофт тяжело вздохнула, заметив напряженный взгляд дочери. — Офицерские дела, Изабелла, — мягко, но с той непрекращаемой строгостью, свойственной женам магнатов, произнесла мать. — Ты же прекрасно знаешь его службу. Королева, страна, долг. Его вызвали в адмиралтейский штаб в последнюю минуту. Он приедет к банкету.

Изабелла понимающе кивнула. Военная служба брата всегда стояла на первом месте, это было аксиомой. Она подавила легкий укол грусти, расправила складки шелкового платья и снова повернулась к арене, где уже начиналось главное, заявленное в афишах представление.

Пайк дал короткий, властный знак рукой, и грянул «Танец Лотоса».

Тридцать невероятно гибких девушек, одетых лишь в невесомый, полупрозрачный изумрудный шёлк, синхронно выбежали на сцену. Ударили огромные, обтянутые воловьей кожей тайские барабаны. Их звук был настолько низким и мощным, что физически отдавал вибрацией прямо в грудную клетку каждого зрителя. Скрытые под куполом электрические прожекторы начали ритмично мигать в такт тяжелым ударами.

Раз. Два. Три.

И тут произошло нечто странное. Неожиданное. Тяжелые зубчатые механизмы где-то под самым куполом амфитеатра тихо, но угрожающе лязгнули. Огромные, многометровые зеркала, сплошным кольцом опоясывающие задник сцены, синхронно дрогнули и повернулись на пару градусов вокруг своей оси, резко меняя угол отражения.

На одну долгую, сводящую с ума долю секунды зрители в первых рядах партера увидели в стекле не сцену и не танцующих девушек. Из-за сложного преломления изумрудного света и резких вспышек прожекторов в холодной глубине зеркал мелькнули странные, неестественно вытянутые, искаженные тени. Казалось, что прямо там, за спинами ничего не подозревающих танцовщиц, в пустоте сцены, происходит какое-то хаотичное, беззвучное движение. Будто там находился кто-то еще. Целая толпа безликих, темных фантомов.

Изабелла моргнула, удивленно приоткрыв рот. Её пальцы вцепились в бархат барьера. Но уже в следующее мгновение механизмы под куполом издали тихий щелчок, и зеркала послушно вернулись на свое исходное место. Жуткая иллюзия мгновенно исчезла.

На ярко освещенной сцене были только живые девушки в легких шелках, грациозно кружащиеся под бой тайских барабанов. По огромному залу прокатился легкий, заинтригованный гул. Люди переговаривались, возбужденно обсуждая необычный визуальный трюк. Крофты определенно знали толк в театральности.

Шоу закончилось ровно в полночь. Распаренная, оглушенная впечатлениями толпа расходилась медленно, удовлетворенно обсуждая небывалый масштаб постановки. Город уходил спать в абсолютном восторге.

Изабелла осталась в своей ложе последней. Родители уже спустились вниз по мраморной лестнице, чтобы по протоколу принять поздравления от глав других семей в парадном фойе. Девушка стояла совершенно одна в прохладной полутьме, слушая, как постепенно стихает шум пустеющего амфитеатра. Она снова посмотрела на пустое кресло брата.

Без него этот вечер казался неправильным. Незаконченным. Праздник был поистине великолепным, но она с легкостью отдала бы все эти овации пяти тысяч человек за то, чтобы Фредерик сейчас сидел рядом, пил шампанское и смеялся над её глупыми шутками.

Она медленно, словно нехотя, встала, поправила тяжелую, шуршащую ткань платья. На неё внезапно накатила тяжелая, свинцовая усталость — неизбежное следствие долгого эмоционального напряжения и агрессивного шума. — Поехали домой, — тихо, в пустоту сказала она самой себе, направляясь к выходу из ложи. — Как же я устала.

Суббота, 8 февраля. Рассвет. Док-7.

В промышленном порту Веридиана туман никогда не был просто безобидной погодной дымкой. Он был плотным, жирным, желтоватым и насквозь пах старым машинным маслом, гниющей на солнце рыбой, сырым углем и дешевым табаком. Он оседал липкой, несмываемой пленкой на одежде и безжалостно забивался в легкие, заставляя портовых грузчиков харкать кровью к сорока годам.

Тело нашли докеры. Они пришли на утреннюю смену еще до того, как серое небо начало светлеть, чтобы разгрузить прибывшие ночью тяжелые дубовые ящики с цейлонским чаем. Один из рабочих, напевая себе под нос, пошел к самому краю скользкого пирса, чтобы закрепить толстый швартовочный канат на чугунном кнехте. И замер, выронив тяжелую веревку прямо в грязную лужу.

Фредерик Крофт лежал на мокрых, покрытых зеленой слизью досках причала.

Полиция Веридиана прибыла на место неожиданно быстро. Три патрульных констебля в непромокаемых накидках и хмурый сержант неумело оцепили кусок пирса. Они переминались с ноги на ногу, прятали руки в карманы и беспрерывно курили дрянные папиросы, отчаянно пытаясь перебить сладковатый запах водорослей и смерти. Они тихо переговаривались, то и дело опасливо, исподлобья поглядывая на труп. Найти мертвого, высокопоставленного офицера, да еще и прямого наследника могущественной семьи Крофтов — это означало одно: гигантские проблемы, которых никому в здравом уме не хотелось.

Но когда из серой утренней мглы вынырнул черный, блестящий от сырости кеб, и на мокрые доски дока ступил Сэр Артур Ходжес, полицейские мгновенно затихли. Сержант поспешно, словно провинившийся школьник, выбросил окурок в черную воду залива и вытянулся по стойке смирно.

Артур не любил утро. В Веридиане именно по утрам, когда отступали тени, находили тех, кого не пощадила ночь.

Детектив подошел к телу, совершенно не обращая внимания на глубокие мазутные лужи, и молча опустился на одно колено. Дорогая английская шерсть его брюк мгновенно впитала ледяную, грязную воду пирса.

Он посмотрел на покойного. Фредерик Крофт. Блестящий, подающий надежды офицер. Он был одет в свою лучшую парадную военную форму. Красное сукно мундира критически потемнело от морской влаги, золотые эполеты и начищенные пуговицы покрылись мутным налетом соли. Глаза Фредерика были широко открыты. Они смотрели в низкое, бесцветное, равнодушное веридианское небо.

Артур наклонился ближе, его цепкий, натренированный взгляд профессионала жадно сканировал детали. Лицо покойного. Оно было абсолютно, пугающе спокойным. Никакой жуткой гримасы боли, ни искаженных предсмертной судорогой удушья черт. Слишком умиротворенное для человека, который несколько минут захлебывался в ледяной, темной воде. Утопленники бьются за жизнь до последнего вздоха, раздирая ногтями собственные шеи, их лица всегда отражают невыразимый первобытный ужас. Фредерик же выглядел так, будто просто лег на причал и счастливо уснул, увидев прекрасный сон.

Артур осторожно запустил длинные пальцы в кожаных перчатках прямо под тугой воротник мундира Фредерика. Сильно надавил на грудную клетку, проверяя состояние одежды нижних слоев. Парадный мундир был мокрым насквозь, но тонкая нательная рубашка под ним оказалась лишь слегка влажной. Она не была пропитана морской водой.

— В воду он попал уже будучи мертвым, — сухо, без эмоций констатировал Артур. — Или... не сопротивлялся вовсе. Не пытался всплыть.

— Вы уверены, сэр Артур? — неуверенно, с явной надеждой на ошибку детектива, подал голос бледный сержант. — Ночь была жутко туманная. Оступился в темноте, ударился головой о сваю, упал...

Артур не удостоил его ответом. Его натренированное внимание внезапно привлек звук. Тихий. Металлический. Едва различимый за криками чаек. *Тик...*

Звук исходил прямо от тела погибшего офицера. Артур перевел взгляд на правую руку Фредерика. Она была судорожно, намертво сжата в кулак, словно перед смертью он пытался удержать нечто невероятно важное.

Детектив с физическим усилием разжал окоченевшие, белые пальцы Крофта. На бледной ладони лежал небольшой, скомканный клочок бумаги. Газетная вырезка. Бумага сильно размокла по краям, но буквы, напечатанные крупным типографским шрифтом, всё ещё отчетливо читались.

«Да вспыхнет пламя!»

Артур глубоко нахмурился. Самоубийцы, или пьяницы, упавшие с пирса, не сжимают в руках газетные вырезки с революционными лозунгами. Он аккуратно достал из саквояжа стальной пинцет и бережно переложил мокрый клочок в свой серебряный портсигар.

Затем он обратил внимание на левую руку покойного. Она лежала на груди, плотно прижатая поверх кармана жилета. Именно оттуда доносилось ритмичное тиканье.

Артур расстегнул мокрую ткань кармана и извлек золотые карманные часы. Массивные, невыносимо тяжелые. Швейцарская работа высшего класса. Они шли. Но как только Артур откинул золотую крышку, он мгновенно заметил странность. Секундная стрелка не скользила плавно по кругу. Она двигалась рваными, большими, аритмичными рывками.

Тик... Пауза. Долгая, томительная. Стрелка замирает на месте. *Тик-тик...* Два невероятно быстрых скачка. Пауза... *Тик.*

Ритм был противоестественным. Ломаным. От этого звука у Артура почти сразу, резкой пульсирующей болью начало ломить виски — так бывает, когда кто-то проводит ржавым гвоздем по стеклу прямо над ухом.

Он быстро перевернул часы. На задней золотой крышке красовалась привычная, глубокая гравировка герба семьи Крофтов. На первый взгляд всё было безупречно, но наметанный глаз детектива тут же зацепился за мелкую, диссонирующую деталь.

У самого края крышки, там, где она должна была плотно прилегать к корпусу, виднелись царапины.

— Что это, сэр? — спросил один из констеблей, не выдержав любопытства и заглядывая через плечо детектива.

Артур с силой захлопнул крышку. Тиканье стало глуше, и раздражающий, ввинчивающийся в мозг звук почти исчез. — Часы, — ровно ответил Артур. — Но внутренний механизм серьезно поврежден. Вероятно, от сильного удара при падении.

Он убрал золотые часы в специальный бархатный мешочек для улик. В его голове, привыкшей к криминальным ребусам, уже складывалась мрачная, леденящая кровь картина. Офицер не падал сам. Его убили. И убили с пугающим изяществом.

— Увезите тело в морг, немедленно, — жестко скомандовал Артур, поднимаясь с колен и отряхивая мокрое пальто. — Доктору Лайлу передайте мой личный приказ: полное, тщательное вскрытие. Ищите любые следы редкого яда или микроскопических инъекций.

— А что писать в официальном рапорте для утренней прессы, сэр Артур? — сержант торопливо достал потрепанный блокнот, его руки дрожали. — Семья Крофтов нас просто с землей сровняет, если мы сейчас заявим, что это убийство. Они поднимут на уши Парламент!

Артур долго, не мигая, посмотрел на серые, свинцовые волны залива. Городу, балансирующему на грани экономического кризиса, категорически не нужна была паника. Пока он не найдет концы, пока не поймет правила этой игры, лучше было держать всё в абсолютной тайне. — Пишите: предварительная причина — трагический несчастный случай. Утопление, — бросил детектив. — Вероятно, выпил лишнего, заблудился в густом тумане и сорвался с причала. Точка.

— А записка, сэр? И эти странные часы? — Это вещдоки. Я забираю их под свою личную ответственность. Выполняйте приказ, сержант.

Артур круто развернулся и зашагал прочь по мокрому деревянному настилу пирса. Записка в его кармане была явным, дерзким вызовом. Часы — черной меткой. Кто-то очень умный и очень жестокий решил пошатнуть трон одной из пяти правящих семей Веридиана. И он начал с самого больного, незащищенного места.

Артур Ходжес точно знал: если пламя, о котором говорится в этой газетной вырезке, действительно вспыхнет, этот прогнивший, туманный город сгорит дотла.

Суббота, 8 февраля. Полдень. Городская библиотека Веридиана.

Городская библиотека была одним из немногих мест в мрачном Веридиане, где туман и фабричная копоть уступали свои права толстому слою вековой пыли. Здесь всегда пахло старой, желтеющей бумагой, высохшим костным клеем переплетов и тем особым, тяжелым, академическим спокойствием, которое неизбежно исходит от сотен тысяч спящих под кожаными обложками слов. Тишина в просторном читальном зале была густой, почти осязаемой; она глушила шаги по коврам и заставляла людей говорить благоговейным шепотом, словно один громкий звук мог навсегда разрушить этот хрупкий храм человеческих знаний.

Эдриан Хартвелл медленно толкнул тяжелую дубовую дверь с бронзовыми ручками и вошел в зал.

Наследник могущественной индустриальной империи Хартвеллов, молодой человек с тонкими, нервными аристократическими чертами лица и вечно уставшими, вдумчивыми глазами, искал здесь именно этого — абсолютной, спасительной тишины. После вчерашнего грандиозного, бьющего по нервам шоу Крофтов в амфитеатре у него все еще глухо гудело в висках. Ритм гигантских тайских барабанов и агрессивные вспышки изумрудного света оказались слишком вульгарными для его утонченного вкуса. Эдриан, к огромному разочарованию своего деспотичного отца, предпочитал готическую архитектуру, точные математические чертежи и тихие университетские кабинеты, а не животный рев толпы, жаждущей лишь дешевого хлеба и кровавых зрелищ.

Он медленно прошел между высокими, уходящими под потолок дубовыми стеллажами, скользя равнодушным взглядом по золоченым корешкам энциклопедий, когда внезапно заметил её.

Изабелла Крофт сидела за самым дальним, скрытым от посторонних глаз столом, в глубокой нише у витражного окна, куда едва пробивался серый, скудный дневной свет. Вокруг нее хаотичными крепостями громоздились тяжелые стопки книг: многотомники по истории, трактаты по древней философии, какие-то редкие медицинские справочники. Но она не читала.

Она сидела, низко, почти касаясь лицом стола, склонившись над чистым листом бумаги. Перьевая ручка в ее руке мелко, неконтролируемо дрожала. Эдриан сделал осторожный шаг ближе и с ужасом увидел, что чернила крупными каплями, падают с кончика пера, оставляя на идеальной белой бумаге уродливые, расплывающиеся черные кляксы.

На ней было безупречное, строгое закрытое платье, но весь её обычно идеальный облик сейчас кричал о чудовищной катастрофе. Всегда идеально уложенные, волосок к волоску, темные волосы слегка растрепались. Но хуже всего были её глаза. Красные, припухшие от слез, с залегшими под ними глубокими, синими тенями. Она выглядела так, будто не сомкнула глаз ни на секунду с того самого момента, как вчера ночью покинула сияющую ложу амфитеатра.

Она была похожа на маленькую, хрупкую птицу, загнанную в угол жестоким хищником.

Эдриан замер, не решаясь подойти. Они были знакомы лишь поверхностно. Встречались на редких благотворительных балах, обменивались дежурными вежливыми поклонами и пустыми, ничего не значащими фразами о скверной погоде и новой лондонской музыке, как и подобало воспитанным детям правящих семей Веридиана. Не более того. Но сейчас, видя её в таком раздавленном состоянии, он не мог, не имел морального права просто пройти мимо.

— Мисс Крофт? — очень тихо позвал он, стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно мягче и деликатнее.

Она вздрогнула так сильно, всем телом, что едва не перевернула тяжелую стеклянную чернильницу. Перо выскользнуло из её ослабевших, побелевших пальцев и с сухим стуком покатилося по полированному столу.

Изабелла резко подняла голову. В её потухшем взгляде на одну крошечную долю секунды мелькнул неподдельный, животный ужас, который тут же, словно по команде, сменился узнаванием и горькой, беспросветной безысходностью.

— Мистер Хартвелл... — её голос болезненно сорвался, превратившись в хриплый, надтреснутый шепот. Она попыталась выпрямить спину, натянуть на лицо привычную, непроницаемую маску светской отстраненности, но измученные мышцы её просто не слушались.

Эдриан подошел вплотную к столу. Утром весь город уже гудел, как растревоженный улей. Газетчики на всех грязных перекрестках надрывно кричали о страшной, нелепой трагедии в доках.

— Мне так жаль, — сказал он просто, глядя ей прямо в глаза. В этих словах не было ни капли заученной фальши, которую она, должно быть, до тошноты наслушалась всё это утро

от визитеров-лицемеров, приходивших выразить дежурные соболезнования её влиятельному отцу. — Я узнал всего час назад. Это... это совершенно невыносимая потеря.

Изабелла посмотрела на него снизу вверх. И вдруг то колоссальное внутреннее напряжение, которое всё это время чудом удерживало её на грани, окончательно сломилось. Слезы, которые она так отчаянно пыталась сдержать, хлынули по её бледным щекам беззвучным, непрерывным потоком. Она не рыдала, не причитала и не проклинала жестокую судьбу. Это было глубокое, оглушающее своей тишиной горе — чистое, разъедающее душу отчаяние человека, чей привычный мир в одночасье рухнул, безжалостно выбив почву из-под ног.

Она судорожно схватилась ледяными пальцами за край дубового стола, затем её рука, ища опору, вцепилась в рукав пиджака Эдриана, словно он был единственной твердой, нерушимой вещью в её рушащемся мире.

— Он был абсолютно всем, что у меня было, — прошептала она, горько глотая слезы. — Фредерик... он единственный, кто по-настоящему понимал меня в этом доме. Единственный, кто всегда защищал меня.

— От кого защищал? — Эдриан инстинктивно подался вперед, накрывая её мелко дрожащую ладонь своей большой, теплой рукой. — Мисс Крофт, вы в абсолютной безопасности. Вы в Веридиане, ваше имя...

— Вы ничего не понимаете! — резко перебила она, нервно, затравленно оглядываясь по сторонам, отчаянно вглядываясь в густые тени между книжными полками. Её голос упал до едва различимого, параноидального шепота. — Мне кажется... я чувствую, что за нами следят. Постоянно. В нашем собственном доме. На улице. Даже здесь, в этой пустой библиотеке. Везде эти длинные тени. Фредди говорил мне позавчера, что с городом происходит что-то не так. Что в темноте зреет что-то очень страшное. И вот... сегодня его нет...

Она свободной рукой лихорадочно достала из черного бархатного ридикюля кружевной платок и с силой прижала его к покрасневшим глазам. Руки девушки тряслись так сильно, что тонкое кружево ходило ходуном.

— Полиция уверяет отца, что это просто дурацкий несчастный случай, — всхлинула она, задыхаясь от боли. — Что Фредди был пьян, заблудился в тумане и упал с пирса. Но он знал доки нашей компании как свои пять пальцев! Он бы никогда...

— Сэр Артур Ходжес лично ведет это дело, — попытался успокоить её Эдриан, произнеся имя лучшего следователя города, как защитное заклинание. — Он дотошен. Он въедлив как дьявол. Он не оставит там камня на камне. Если это не случайность, поверьте мне, он найдет правду.

Изабелла резко, испуганно отняла платок от лица. — Правда невероятно опасна, Эдриан, — она впервые назвала его по имени, и это мгновенно сократило социальную дистанцию между ними до невыносимого, интимного минимума. — Иногда лучше до конца жизни жить в слепой темноте, чем стореть заживо на свету. Тот, кто хладнокровно сделал это с моим сильным братом, не остановится на достигнутом. Пожалуйста... — она сжала его рукав еще сильнее, умоляюще заглядывая в его глаза, — не лезьте туда. Не пытайтесь узнать больше, чем вам положено. Иначе вы станете следующим на очереди. Ради меня.

Она, словно не выдержав тяжести собственного горя, потеряв последние силы, уронила голову ему на плечо. Её хрупкое тело сотрясала мелкая, непрекращающаяся дрожь.

Эдриан, на мгновение опешив от такой неожиданной, доверчивой близости, неловко, но крепко и надежно обнял её за плечи. Запах её французских духов — что-то цветочное, неуловимо нежное — смешался с запахом старой библиотечной пыли и соленых слез. В душе юноши, воспитанного на книгах об идеализме, мгновенно проснулось давно забытое, почти рыцарское желание защитить слабых. Защитить её от этого жестокого города, который построили их отцы.

— Я никому не дам вас в обиду, — тихо, но абсолютно твердо произнес наследник империи Хартвеллов, глядя поверх её темных волос в мрачный, длинный коридор библиотеки. — Клянусь вам, Изабелла. Я найду того, кто это сделал.

Суббота, вечер. Особняк Крофтов. Зал Змеи.

В огромном семейном гнезде Крофтов траур никогда не носил христианского характера смирения и прощения. Здесь пролитые слезы всегда мгновенно переплавлялись в холодный гнев, а горе — в калёную, смертоносную сталь.

Зал Змеи, роскошно обшитый панелями из дорогого красного дерева, погрузился в тревожный полумрак. Свет давал только огромный, в человеческий рост камин, в котором с треском сгорали тяжелые дубовые поленья. Жаркий огонь отбрасывал на темные стены длинные, дерганые, нервные тени, заставляя казаться, что вышитые на старинных фамильных гобеленах гигантские змеи извиваются, шипят и ползут прямо в комнату.

Арчибальд Крофт стоял спиной к огню, заложив руки за спину. На нем был строгий черный костюм без единого светлого пятна или украшения — даже его любимая бриллиантовая запонка исчезла. Лицо главы семьи казалось высеченным из непроницаемого, серого мрамора. Ни одной эмоции, ни одной слабости. Только плотно, до хруста сжатые челюсти и тяжелый взгляд, от которого в натопленной комнате становилось холоднее, чем на улице в февральскую метель.

Вокруг него, в глубоких кожаных креслах, сидела его семья. Его жена, леди Крофт, молча смотрела в пол, непрерывно комкая в дрожащих руках влажный платок. Изабелла сидела рядом с матерью. Она была бледная, как мел, с покрасневшими глазами, безвольно опустив руки на колени — идеальная картина убитой горем сестры. Двое младших братьев Арчибальда, родные дядья Изабеллы, стояли поодаль у закрытого окна, нервно и часто покуривая крепкие кубинские сигары. Воздух в зале был густым, наэлектризованным предчувствием грозы.

— Слушайте меня очень внимательно, — произнес Арчибальд. Его голос был тихим, почти вкрадчивым, без крика, но от этой зловещей тишины мороз продирает по коже даже бывалых дельцов. Это был голос командующего, отдающего приказ о начале массовой казни. — То, что произошло сегодня на рассвете в наших доках — это не трагическая случайность. Это не несчастный случай.

— Но полиция... — робко, с надеждой начала леди Крофт, подняв на мужа покрасневшие, заплаканные глаза. — Инспектор Брэдли сказал, что туман ночью был слишком густым... Фредди мог оступиться...

— Полиция Веридиана — это жалкие слуги порядка, дорогая моя, а не искатели правды, — безжалостно, словно ударом топора, отрезал Арчибальд. — Им нужны только тихие улицы и сохраненные теплые кресла. Им подавай пьяные поножовщины и малолетних воришек в трущобах Ист-Энда. Вот предел их ничтожной компетенции. Но когда дело касается нас, богов этого города, они мгновенно слепнут и глохнут. Они готовы поверить во что угодно, лишь бы не признавать очевидного и страшного.

Он медленно, заложив руки за спину, прошелся по залу. Стук деревянных каблучков его ботинок по полированному паркету звучал как метроном, неумолимо отсчитывающий время до неизбежного взрыва.

— Фредерик не был пьян. Он не пил. И Фредерик никогда, ни при каких обстоятельствах не сорвался бы с дока нашей собственной компании, который он знал наизусть, — Арчибальд остановился в самом центре комнаты, глядя на братьев. — Мой сын был блестящим боевым офицером. Он был живым символом несокрушимой силы нашего имени. И именно поэтому его убрали. Намеренно. Показательно. Цинично.

Он обвел присутствующих тяжелым, обвиняющим взглядом. — Кто-то в этом городе решил, что Соглашение, которое мы подписали вчера в особняке Хартвеллов, — это проявление нашей слабости. Кто-то из этих четырех семей, которые вчера вечером пили со мной коллекционный виски и угодливо улыбались мне в лицо, решил, что мы, Крофты, стали слишком сильны. И нанес удар первым. В спину. В самое больное, не защищенное место.

Изабелла медленно подняла голову. Её идеальные губы задрожали от страха. — Но кто, отец? — прошептала она, и её нежный голос испуганным эхом разнесся по огромному залу. — Кому это нужно? Неужели Блэкморы? Вейны?

— Мы узнаем это, Изабелла, — жестко, с металлом в голосе ответил Арчибальд, подходя к дочери. Он положил свою тяжелую руку на её хрупкое плечо, пальцы слегка, по-отечески сжались. — Моя личная служба безопасности уже поднимает на ноги весь порт. Каждого грузчика, каждую портовую крысу, каждую шлюху вывернут наизнанку, переломают им пальцы, пока они не заговорят и не назовут имя заказчика.

Он поднял глаза и посмотрел на огромный портрет Фредерика в красном парадном мундире, висящий над камином. Лицо старшего Крофта на мгновение исказилось жуткой судорогой скрываемой, невыносимой отцовской боли, которая тут же утонула в глубоком колодце его ледяной, всепоглощающей ненависти.

— Они думают, что сломали нас, лишив меня наследника, — прорычал Арчибальд, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Но они лишь разбудили спящую змею. Мы ответим. По-джентльменски, без криков, как и подобает нашему высокому статусу. Но мы ударим в ответ так жестоко, что этот проклятый Веридиан захлебнется собственной кровью.

Изабелла снова опустила взгляд на свои сцепленные руки. Слезы вновь подступили к её горлу. — Бедный Фредди... — едва слышно, с надрывом выдохнула она.

— Мы не будем плакать, дочь моя. Слезы — удел слабых, — процедил Арчибальд. — Мы отомстим за него. За каждую каплю его крови они заплатят своими империями. До последней кирпичины.

Суббота, глубокая ночь. Кабинет Артура Ходжеза.

Туман за окном сгустился настолько, что казалось, будто весь дом вместе с кабинетом погрузили на дно гигантской цистерны с грязным, прокисшим молоком. Уличные звуки — цокот копыт, крики запоздалых прохожих — полностью растворились, оставив Сэра Артура Ходжеза наедине с гнетущей тишиной его офиса.

На массивном дубовом столе стояла недорогая бутылка виски. Початая больше, чем наполовину. Граненый, заляпанный пальцами стакан хранил на стенках янтарные капли.

Артур стоял прямо посреди комнаты, сбросив влажное пальто на кожаное кресло. Рукава его белой рубашки были небрежно закатаны, галстук ослаблен. Он, не мигая смотрел на стену.

Там, прямо поверх старых, выцветших обоев, он прикрепил большой лист плотной коричневой оберточной бумаги. Его личный холст безумия. Доска, на которой он методично, как патологоанатом, препарировал Веридиан.

В самом центре листа Артур жирно, с сильным нажимом, ломая грифель, вывел чернилами: 8 февраля 1902. Док-7. Смерть Фредерика Крофта.

Чуть ниже он аккуратно прикрепил булавкой тот самый размокший клочок газетной бумаги, извлеченный из сжатого кулака мертвеца. *«Да вспыхнет пламя!»*

Рядом, в небольшом прозрачном пакетике, висела белая карточка с описанием: *«Вещь-док: Золотые карманные часы. Неисправный механизм. Аритмия»*. Сами вещественные доказательства — тяжелые золотые часы — лежали на столе, спрятанные в бархатный мешочек. Артур не хотел их доставать. И уж тем более не хотел снова открывать их крышку, боясь, что этот скрежещущий ритм снова ввинтится ему в мозг.

Он устало отошел от стены, подошел к столу, плеснул себе еще на два пальца дешевого алкоголя и выпил залпом, не морщась. Жжение в горле привычно отрезвляло, смывая физическую усталость, но оно не могло заглушить мысли, которые роились в голове, как встревоженный рой ос.

Фредерик Крофт. Молодой, сильный, с абсолютно безупречной репутацией. Он не играл в азартные игры, не посещал бордели. Он строил блестящую карьеру военного. Толпа в Ист-Энде искренне любила его за открытость, а аристократия на холме Короны уважала за древнее происхождение. Он считался единственным светлым пятном, будущим символом закона и порядка в этом городе, погрязшем в тотальной коррупции.

Его убийство — а Артур ни на одну секунду не сомневался, что это хладнокровно спланированная казнь, замаскированная под несчастный случай, — было не просто устранением наследника бизнеса. Это был наглый, открытый вызов всей системе координат Веридиана. Удар тяжелой кувалдой по пуленепробиваемому стеклянному потолку, отделяющему богов от простых смертных.

Но кто в этом городе осмелился нанести этот удар?

Артур взял тонкое перо, обмакнул его в чернильницу. Он подошел к холсту и с нажимом нарисовал вокруг центральной надписи пять ровных кругов. В каждом из них он быстро вписал имена:

Хартвеллы (Заводы, мануфактуры, недвижимость, земли); Вейны (Банки, векселя, кредиты, инвестиции); Блэкморы (Угольные шахты, металлургия, руда); Дрейки (Транспорт, логистика, железные дороги, трансокеанские связи с внешним миром); Крофты (Торговля, экспорт, рынки).

Детектив начал методично соединять круги на бумаге жирными, пересекающимися чернильными линиями. Схема товарно-денежных отношений. Гигантская, прочная паутина, в которой они все барахтались, делая вид, что свободны.

Блэкморы критически зависят от поездов Дрейков, чтобы возить свой уголь в порты. Дрейки берут гигантские кредиты у Вейнов, чтобы строить новые пароходы. Крофты платят огромные страховые взносы Вейнам за безопасность своих грузов на море, а Хартвеллы сдают в аренду свою землю под все эти фабрики и предприятия, собирая дань со всех.

Идеальный, замкнутый цикл симбиоза и взаимной, скрытой ненависти. Убей одного — и вся система неизбежно пошатнется. Но убьешь ли ты его без фатального ущерба для себя самого?

Артур перевел взгляд на пришпиленную булавкой газетную вырезку. *«Да вспыхнет пламя».*

Он задумчиво постучал пальцем по подбородку, густо покрытому жесткой двухдневной щетиной. Обычно маньяки или убийцы, оставляющие послания на месте преступления, страдают комплексом бога. Они пишут что-то вроде «Я убил его за грехи блуда» или «Это справедливая месть за мое прошлое». Они хотят, чтобы их мотив был понятен обществу.

Но это... Это не было глупым признанием психа. И это явно не было личной, мелочной вендеттой против молодого армейского офицера. Это прямой призыв. Политический манифест. Искра, намеренно брошенная в бочку с порохом, которой являлся этот задыхающийся от неравенства город.

— Кто ты? — очень тихо, почти шепотом спросил Артур в пустую комнату, неотрывно глядя на вырезанные черные буквы. — Чего ты добиваешься? Разрушить их империю до основания? Или просто расчистить место, чтобы построить на её теплом пепелище свою собственную?

Глухая тишина ночного кабинета не дала ему ответа. Только со стола, сквозь плотную ткань бархатного мешочка для улик, едва слышно доносился звук. Золотые часы Фредерика продолжали идти, отсчитывая чужое время.

Артур чувствовал их ритм даже не ушами, а кожей. Этот ломаный, больной, сводящий с ума пульс. *Раз, два...* Резкая пауза, от которой почему-то замирает дыхание в груди. ...*три.*

Детектив тяжело отошел от холста и подошел к окну. За мутным, грязным стеклом Веридиан беспросветно тонул в ночи. Густой туман полностью скрадывал очертания соседних домов, превращая знакомые улицы в глубокие, непроглядные каньоны, на дне которых копошилось зло.

Город крепко спал, убаюканный ложным чувством безопасности после шикарного, помпезного шоу Крофтов в амфитеатре. Город еще не знал, что его неприкасаемые короли уже точат длинные ножи в своих особняках.

Артур прижался горячим, пульсирующим лбом к обжигающе холодному стеклу окна. Он знал правду. Это не просто смена криминальной погоды. Это не просто бандитская разборка в доках из-за пропавшей партии контрабандного опиума.

Это настоящая, полномасштабная война. И первый, самый громкий выстрел, прозвучавший в тумане дока, уже разорвал плоть.

Артур вернулся к столу и решительно захлопнул свой рабочий кожаный блокнот. Замок сухо, окончательно щелкнул, ставя жирную точку в событиях последних дней. Завтра наступит воскресенье — день для молитв, в которые детектив давно не верил.

А в понедельник начнется вторая неделя. Неделя, которая по Соглашению должна принадлежать совершенно другой семье. И Сэр Артур Ходжес был готов поставить свой последний серебряный пенни на то, что тот, кто хладнокровно оставил сломанные часы на груди мертвого Крофта, ни за что не пропустит это новое шоу.

Механизм уже был запущен, и остановить его было некому. Кроме него.

Глава 3: Неделя вторая — Бумажный пепел

Пятница, 14 февраля 1902 года. 21:00. Амфитеатр «Зеркала».

Вторая неделя Соглашения Пяти Семей принадлежала банковской империи Вейнов. И если Крофты неделю назад ослепляли толпу изумрудным шелком и экзотикой Востока, то Джулиан Вейн решил купить любовь Веридиана самым надежным, проверенным веками способом. Деньгами.

Амфитеатр сиял холодным, пронзительно-белым светом электрических дуговых ламп. Декорации на сцене были выстроены в виде колоссального золотого храма, колонны которого украшали вырезанные из дерева и покрытые позолотой скорпионы — фамильный герб Вейнов.

Элджернон Пайк стоял в самом центре этой ослепительной роскоши. В своем безупречном фраке он выглядел не просто шоуменом, а настоящим жрецом индустриального бога богатства. Пять тысяч зрителей затаили дыхание, ловя каждый жест его изящных рук в белых перчатках.

— Граждане великого Веридиана! — голос Пайка, усиленный акустическими конусами, бархатной волной накрыл трибуны. — Десятилетиями вы своим тяжелым трудом ковали славу этого города в темных шахтах, у раскаленных печей и в ледяных доках! И сегодня Центральный Банк Вейнов, финансовое сердце Империи, заявляет: ваше время пожинать плоды наступило!

— Эти векселя обеспечены нашими французскими партнерами, — продолжил Вейн. — Вы сможете обменять их в любом филиале французского банка на звонкую монету после официального выпуска решения о выплатах по ценным бумагам на следующей неделе. Это не благотворительность, господа. Это символ нашего доверия к городу, который мы строим вместе!

Толпа недоуменно, но с надеждой загудела. Люди в дешевых сюртуках и потертых платьях подались вперед.

— Джулиан Вейн верит, что процветание должно принадлежать тем, кто его создает! — голос Пайка взмыл под самый купол. — Сегодня банк открывает свои хранилища для вас! Возьмите свое будущее в свои собственные руки!

По знаку шоумена десятки красивых девушек-ассистенток в золотых платьях выбежали в проходы между зрительскими секторами. В их руках были изящные плетеные корзины. И они начали раздавать людям плотные, серые прямоугольники бумаги с водяными знаками.

Векселя. Настоящие долговые расписки Центрального Банка Вейнов. Номиналом в пять, десять, а некоторые — даже в двадцать фунтов стерлингов. Огромные, немислимые деньги для рабочего класса.

Амфитеатр взорвался. Это был даже не восторг — это был массовый экстаз. Суровые, изможденные портовые грузчики плакали, прижимая к груди хрустящие серые бумажки. Женщины молились, глядя на королевскую ложу, где с холодной, снисходительной полуулыбкой восседал Джулиан Вейн. Город искренне, до слез поверил, что боги спустились с небес и наконец-то поделились своим золотом.

Шоу закончилось в абсолютном триумфе. Разгоряченная, счастливая, опьяненная внезапным богатством толпа вывалилась на холодные улицы Веридиана, торопясь отпраздновать чудо.

Чудо продлилось ровно полтора часа.

Пятница, 14 февраля 1902 года. 23:15. Ист-Энд.

Доверие — самая хрупкая валюта в мире. В Веридиане оно традиционно держалось на толщине стальных сейфов банка Вейнов и безупречной серой бумаге их векселей. Но в эту пятницу, ровно через неделю после гибели молодого офицера Крофта, доверие превратилось в мусор. Буквально.

Паб «Хромая собака» находился в самом сердце портовых трущоб. Здесь не подавали коллекционный виски, а воздух был настолько густым от табачного дыма, перегара и запаха немытых тел, что его можно было резать ножом. В пятницу вечером здесь собирались те, кто хотел спустить заработанные гроши на забвение. Но сегодня паб гудел иначе. Люди пришли праздновать.

Сэр Артур Ходжес сидел в самом темном углу паба, надвинув шляпу на глаза. Перед ним стояла нетронутая пинта темного эля. Детектив был здесь не ради выпивки. Он слушал город. После смерти Крофта его профессиональная паранойя не давала ему спать. Он нутром чувствовал, что пружина Соглашения Пяти Семей сжимается, и хотел оказаться рядом в тот момент, когда она лопнет.

У длинной, залитой липким пивом барной стойки стоял крупный, широкоплечий кузнец с литейного завода Хартвеллов. Он был одет в свой лучший, хоть и потертый, выходной костюм — он пришел прямо с трибун «Зеркал». В его огромной руке гордо была зажата серая бумажка — подарочный вексель Вейнов на пять фунтов.

— Я сказал, налейте всем в этом углу по пинте, и дайте мне сдачу серебром, Барни! — громко, на весь паб прорычал кузнец, с силой шлепая бумажку по мокрому дереву стойки. — Гуляем! Вейны платят!

Лысый, покрытый шрамами бармен даже не притронулся к векселю. Он медленно вытер руки грязным полотенцем, скрестил их на груди и мрачно покачал головой. — Я не возьму эту дрянь, Том. И ни один торговец в Ист-Энде больше не возьмет.

Гул голосов в пабе внезапно стих. Десятки пар глаз повернулись к стойке. Атмосфера мгновенно стала наэлектризованной. Артур подобрался, незаметно положив руку на рукоять револьвера под пальто.

— Ты что несешь, лысая крыса? — кузнец побагровел и схватил бармена за грудки, перегнувшись через стойку. — Это вексель Центрального Банка Вейнов! Это чистое золото! Нам его час назад в амфитеатре выдали, сам Джулиан Вейн с балкона кивал!

— Это туалетная бумага, Том! — рывкнул бармен, силой отдирая от себя руки кузнеца. Он брезгливо схватил вексель и поднес его к газовому рожку на стене. — Смотри сам! Смотри внимательно!

Кузнец прищурился.

— Водяной знак поплыл! — громко сказал бармен, чтобы слышал весь паб. — Печать смазана. Бумага тонкая, как папиросная. Проведи пальцем по чернилам! Ну!

Кузнец стер большим пальцем цифру «5». Типографская краска легко размазалась, оставив на мозолистой коже грязное черное пятно.

— С половины одиннадцатого по всему городу слух идет, — процедил бармен, бросая испорченную бумажку обратно на стойку. — Менялки на Черном рынке уже закрыли двери. Клерки в ночных лавках смеются людям в лицо. Вейны выпустили на рынок десятки тысяч дешевых фальшивок, чтобы купить вашу любовь бесплатно. Эти бумажки не стоят даже тех паршивых чернил, которыми напечатаны. Нас всех поймали, Том! Банк Вейнов — банкрот!

Слова бармена упали в мертвую тишину паба, как горящая спичка в бочку с порохом.

Кузнец медленно отпустил стойку. Он посмотрел на фальшивый вексель, затем на свои огромные, покрытые свежими ожогами руки. Несколько минут назад он чувствовал себя бога-

чом, человеком, о котором заботится Империя. А сейчас он понял, что его просто использовали как дешевую массовку в спектакле для аристократов. Его смешали с грязью.

Кто-то в глубине зала глухо, страшно зарычал. Послышался звон разбитого о стену пивного бокала. — Нас ограбили! — истошно, надрывно крикнул молодой шахтер, вскакивая на деревянный стол. Его лицо исказилось от неконтролируемой ярости. — Эти ублюдки с холма Короны высосали из нас кровь, заставили нас хлопать им в ладоши, а теперь плюют нам в лицо!

В ту же секунду двери паба с треском распахнулись. Внутрь ввалилась толпа людей с улицы. Они тяжело дышали, их глаза безумно блестели в полумраке.

— Соседние пабы уже громят! — заорал вошедший первым плотник, размахивая тяжелой кувалдой. — Вейны нас кинули! Они заперлись в своих дворцах с нашими деньгами!

Это было последней каплей. Артур понял, что сдержать этот социальный ядерный взрыв уже невозможно. Толпа, ослепленная первобытной, справедливой классовой яростью, хлынула на улицу. Люди выбегали из пабов, из ночных ночлежек, из грязных подворотен. Они сливались в единый, черный, ревуший поток, который неумолимо тек в сторону финансового квартала Веридиана.

Артур выскочил следом, надвинув шляпу на глаза. Туман над крышами Ист-Энда уже начал окрашиваться в тревожный, багровый цвет.

Обманутый город шел жечь.

Суббота, 15 февраля. 01:30. Финансовый квартал.

Запах горящих денег ни с чем не перепутать. Это не благородный запах горящего дерева или ткани. Дешевая бумага, пропитанная некачественной типографской краской, химикатами и потом тысяч рук, горит с едким, кислым смрадом, напоминающим жареный миндаль и жженую резину. Этот запах навсегда въедается в волосы и оседает отвратительной горечью на корне языка.

Сэр Артур Ходжес стоял в густой тени массивной каменной арки на площади перед Главным управлением Банка Вейнов.

Здание, еще вчера казавшееся неприступной цитаделью из белого мрамора и закаленной стали, символом финансового могущества всей Империи, сейчас представляло собой гигантский, ревуший костер. Пламя вырывалось из разбитых витражных окон первого этажа, жадно лизало почерневшие фасады и с ревом тянулось к ночному небу. Свинцовые рамы плавилась от чудовищных температур, и толстое стекло со звоном, похожим на хрустальный дождь, осыпалось на брусчатку.

Толпа разъяренных горожан — больше тысячи человек — бушевала на площади. Они взламывали тяжелые дубовые двери ломами, вытаскивали на улицу массивные столы клерков, кипы бухгалтерских книг, пачки тех самых злополучных векселей и с животным остервенением швыряли всё это в огонь.

Полиция Веридиана, прибывшая на место с катастрофическим опозданием, даже не пыталась вмешаться. Несколько десятков констеблей жались к противоположной стороне площади, трусливо выставив перед собой щиты. Инспектор Брэдли стоял бледный, как мел, понимая, что любой приказ о силовом разгоне этой слепой, первобытной стихии приведет к массовой бойне, в которой полицейских просто растопчат и бросят в этот же костер.

— Сэр Артур! — Брэдли, заметив детектива в тени арки, подбежал к нему, тяжело и нервно дыша. — Это абсолютное безумие! Настоящий бунт! Джулиан Вейн обрывает телеграф, он требует, чтобы мы немедленно открыли огонь на поражение по зачинщикам!

— Если вы сделаете хоть один выстрел, Брэдли, завтра утром весь Ист-Энд придет и сожжет полицейские участки вместе с вами внутри, — холодно ответил Артур, не отрывая взгляда от ревушего пламени. Свет огня агрессивно плясал в его глазах, подчеркивая глубокие

морщины. — Дайте им выпустить пар. Они жгут бумагу и мебель, а не живых людей. Банк пуст, там нет ни золотого запаса, ни ночных клерков.

— Но колоссальный ущерб! Это же миллионы фунтов! Архивные записи! — простонал инспектор, в отчаянии хватаясь за голову.

— Ущерб был нанесен тогда, когда Вейны решили, что могут безнаказанно плюнуть в лицо этому городу, — процедил детектив.

Он смотрел на то, как огонь безжалостно пожирает империю Вейнов, и его аналитический мозг лихорадочно, как холодный механизм, искал логику в этом хаосе. Всё это было слишком театралью. Слишком... срежиссировано.

Джулиан Вейн был кем угодно — тираном, скупердяем, безжалостным монополистом, — но он не был кретином. Зачем самому влиятельному банкиру Веридиана устраивать дешевый цирк с откровенно фальшивыми векселями, краска на которых стирается пальцем? Выдать их пяти тысячам рабочих в пятницу вечером — это политическое самоубийство. Это всё равно, что самому облить свой банк керосином и раздать толпе спички.

Нет. Вейн не планировал этот бунт. Кто-то другой вбросил эти фальшивки. Кто-то виртуозно, как гениальный кукловод, подставил банкира, довел толпу до точки кипения фальшивой надеждой и услужливо открыл перед ней нужную дверь для гнева.

Фредерик Крофт гибнет на первой неделе. Банк Вейнов сгорает дотла на второй.

Артур резко отвернулся от площади. Жар от пылающего здания становился физически невыносимым. — Где сейчас наследник? «Томас Вейн?» — жестко спросил он Брэдли, схватив инспектора за лацкан форменного пальто.

Инспектор нервно сглотнул, испуганный внезапным напором детектива. — В своем частном особняке на холме Короны. Мы отправили туда усиленный наряд констеблей для личной охраны еще час назад. Бунтовщики туда не доберутся, весь холм наглухо оцеплен полицией.

— Бунтовщики — нет, — тихо, себе под нос прошептал Артур. Холодок пробежал по его спине.

Детектив круто развернулся и быстрым, срывающимся на бег шагом направился к своему кебу, оставленному за два квартала от площади. Ему не давала покоя страшная мысль о том, что грандиозный огонь на площади — это всего лишь яркая, ослепительная ширма для зрителей. Пока все смотрят на полыхающий костер, фокусник делает свой главный, смертельный трюк в абсолютной тишине.

Суббота, 15 февраля. 03:00. Особняк Вейнов.

Особняк Джулиана Вейна был похож на огромный, высеченный из холодного белого мрамора мавзолей. Высокие глухие стены, тяжелые кованые ворота, идеальная, пугающая геометрическая симметрия во всем. Здесь не было места случайностям, уюту или человеческому теплу — только ледяной расчет.

Но сегодня ночью расчет дал фатальный сбой.

Когда кеб Артура Ходжеза с визгом тормозов остановился у парадных ворот, детектив сразу, по одному только виду мечущихся теней, понял, что опоздал. Возле широкой мраморной лестницы, ведущей к главному входу, хаотично суетились констебли с включенными газовыми фонарями. Их желтые лучи нервно, рвано скользили по брусчатке внутреннего двора.

Артур выскочил из экипажа прямо на ходу. Он грубо растолкал полицейских, не обращая ни малейшего внимания на их протесты, и прорвался в самый центр оцепления.

На холодных, идеально вымытых камнях парадного двора лежал Томас Вейн.

Молодой наследник банковской империи, единственный, долгожданный сын могущественного Джулиана Вейна. При жизни Томас был невысоким, щуплым юношей с вечно испуганными, бледными глазами и дрожащими руками. Он панически, до заикания боялся своего властного отца, боялся цифр, боялся ответственности за империю. Он был слаб, и все стервятники в Веридиане прекрасно это знали.

Сейчас он лежал в неестественно изломанной позе, раскинув руки в стороны, словно сломанная тряпичная кукла. Его немыслимо дорогой шелковый домашний халат был насквозь пропитан темной кровью. Шея была неестественно, под жутким углом вывернута.

Артур медленно поднял тяжелый взгляд. Высоко над ними, на третьем этаже особняка, были настежь распахнуты двустворчатые стеклянные двери балкона, выходящего прямо из личных покоев Томаса. Ледяной ветер трепал тяжелые, темные бархатные портьеры, выдувая их на улицу, как траурные флаги.

— Выпрыгнул, сэра Артура, — раздался за спиной тихий, подавленный голос инспектора Брэдли, который примчался следом в другой пролетке. — Начальник личной охраны клянется Богом, что в особняк никто чужой не проникал. Дверь в спальню мистера Томаса была заперта изнутри на массивный стальной засов. Нам пришлось выламывать ее пожарными топорами, чтобы войти. Он был там абсолютно один.

Артур не ответил. Он тяжело опустился на колени рядом с телом.

Смерть от падения с тридцати футов оставляет страшные, уродливые следы на человеческом теле, но Артур смотрел не на переломы костей. Он смотрел на бледное лицо Томаса. И по его венам разлился могильный холод. Как и у Фредерика Крофта ровно неделю назад в порту, лицо банковского наследника было абсолютно спокойным. Почти умиротворенным. В его остекленевших, смотрящих в пустоту глазах не было животного ужаса неизбежного падения.

Он не кричал, когда летел вниз. Он умирал молча.

— Я хочу осмотреть его комнату. Немедленно, — жестко, не терпящим возражений тоном произнес Артур, поднимаясь с колен.

Они вошли в особняк. Внутри царил абсолютная, истеричная паника. Дорогая прислуга в ливреях в ужасе жалась по темным углам. Джулиан Вейн, бледный как гипсовая маска, заперся в своем дубовом кабинете на первом этаже, и оттуда доносился лишь жуткий звук методично бьющегося о стены хрустала и глухой, нечеловеческий вой.

Спальня Томаса на третьем этаже представляла собой идеальный, педантичный, почти больничный порядок. Тяжелая дубовая дверь действительно была вырвана с петлями спасателями. Постель из французского шелка была аккуратно расстелена ко сну, но не смята — он в нее этой ночью так и не лег. На массивном письменном столе у окна ровно горела масляная лампа.

Артур подошел к столу. Идеальная, стерильная чистота. Никаких разбросанных в панике бумаг, никаких перевернутых чернильниц, ни капли пролитого бренди. Ни малейших следов борьбы или метаний человека, решившегося на роковой шаг.

Прямо в центре стола, на зеленом сукне, освещенная теплым светом лампы, лежала записка.

Детектив аккуратно взял ее за самый уголок двумя пальцами в перчатке. Плотная, вероятно дорогая хлопковая бумага. На ней каллиграфическим, безусловно ровным, почти печатным почерком, дорогими черными чернилами была выведена всего одна короткая фраза.

«Я свободен».

Брэдли, заглядывая через широкое плечо Артура, тяжело, с явным облегчением вздохнул. — Ну вот и всё, Ходжес. Классический, хрестоматийный суицид на почве острого нервного срыва. Парень просто не выдержал публичного позора. Его банки сейчас горят на площади, его отец растоптан толпой, весь город знает, что Вейны выпустили фальшивки и спровоцировали бунт. Томас осознал масштаб катастрофы, заперся в комнате, написал эту предсмертную записку и шагнул с балкона. Дело кристально ясное. Можно закрывать.

Артур медленно повернулся к инспектору. Взгляд детектива был таким тяжелым, мрачным и пронзительным, что Брэдли инстинктивно сделал шаг назад, едва не споткнувшись о выломанную дверь.

— Ясное? — голос Артура звучал пугающе тихо, но в нем вибрировала плохо скрываемая, холодная ярость. — Вы действительно настолько слепы, Брэдли? Вы же знали этого парня. Томас Вейн был трусом. Клиническим, жалким, безвольным трусом, который боялся собственной тени и гнева отца больше смерти. Такие люди не прыгают с балконов в холодную ночь. Они пакуют кожаные чемоданы, берут саквояж с фамильными бриллиантами и первым же ночным поездом бегут в Париж, Вену или за океан, чтобы спрятаться. Самоубийство требует определенного рода отчаянной смелости, которой у этого инфантильного мальчика никогда не было.

Артур снова посмотрел на записку в своих руках. Идеальный почерк. Ни единой дрогнувшей линии. Ни одной случайной кляксы. Ни следа слез на бумаге.

— Человек, собирающийся убить себя из-за паники и позора, не пишет предсмертные записки идеальным каллиграфическим почерком, инспектор, — процедил Артур, аккуратно убирая плотную бумагу во внутренний карман пальто, подальше от чужих глаз. — Руки в таком пограничном состоянии ходуном ходят. Бумага рвется от нажима пера. А это... это написано абсолютно твердой, спокойной, ледяной рукой. Это не извинение виноватого перед отцом. Это сухая констатация факта.

Детектив подошел к распахнутым стеклянным дверям балкона и посмотрел вниз, на холодные камни двора, где санитары уже накрывали тело Томаса брезентом.

Две недели. Две могущественные, неприкасаемые семьи. Две необъяснимые смерти прямых наследников, идеально замаскированные под несчастный случай в тумане и банальное самоубийство. И две короткие, пугающие записки.

«Да вспыхнет пламя». И «Я свободен».

Это не было совпадением. Это было расписание. Математически выверенный, леденящий душу график тотального уничтожения.

Кто-то дьявольски умный, невидимый и абсолютно безжалостный играл с Пятью Семьями в шахматы, виртуозно используя их собственные страхи, жадность и пороки против них самих. И этот кто-то находился не в грязных подворотнях Ист-Энда с ломом в руках. Этот кто-то был достаточно умен и близок к элите, чтобы знать их секреты, их ежедневное расписание и, самое главное, их психологические слабости.

— Мы имеем дело с серийным убийцей, Брэдли, — тихо, не оборачиваясь, произнес Артур. Холодный февральский ветер с балкона трепал полы его пальто, пробирая до костей. — С гениальным убийцей, который использует чужое безумие, чужую алчность и чужие руки как свое личное оружие. И самое страшное — он только начал свою партию.

Артур Ходжес закрыл уставшие глаза. Вдали, над финансовым кварталом, в черное, туманное небо всё еще поднималось гигантское багровое зарево горящих банков Вейнов. План неизвестного архитектора смерти работал безупречно.

Охотник окончательно понял, что он тоже находится на этой горящей шахматной доске. И чтобы поймать кукловода, ему придется рискнуть всем и подобраться слишком близко к невидимым, смертоносным нитям.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.